

Невозможно.

Эта мысль промелькнула у Егёля прежде, чем он успел её остановить, и ему даже захотелось рассмеяться.

Конечно, многие эсперы боялись своих гидов— боялись, что те будут ими управлять, подавлять, держать под контролем.

Но Чэ Халянь?

Тот самый человек, которого он знал?

Никогда.

Его старший брат был воплощением добродетели — настолько честным и прямым, что даже старейшины Куньлуня порой уступали ему в спорах.

Если только он сам не умер и не переродился, Халянь не был тем, кто запер бы ученика в комнате лишь потому, что тот болен.

— Когда мне снимут повязку... мне будет позволено выходить наружу? — На этот искренний вопрос Чэ Халянь кивнул без колебаний:

— Если ты этого захочешь.

Ах. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Даже получив столь лёгкое разрешение, Егёль не удержался от улыбки — с оттенком разочарования и тихой иронии.

Ну что ж, путь в тысячу ли всегда начинается с одного шага.

— Тебе... душно здесь?

В голосе Халяня прозвучала едва уловимая неуверенность.

— С тобой рядом, старший брат, и с такой заботой? Вовсе нет, — ответил Егёль мягко. — Думаю, я просто... всё ещё немного растерян.

Он теребил край одеяла, его пальцы легко сжимали ткань.

— Всё хорошо. Правда.

Рука Халяня коснулась его волос — осторожно, почти неуверенно, но с бесконечной нежностью.

От этого прикосновения сердце Егёля мгновенно успокоилось.

— Сосредоточься на выздоровлении. Когда силы вернуться — я покажу тебе поместье после заката.

Он и вправду умел предложить идеальное вознаграждение.

Егёль улыбнулся с той самой кроткой, безупречной мягкостью, что всегда разоружала.

Теперь, когда старший брат стал торговцем, возвращение в Куньлунь ему ни к чему.

Значит, следовало привыкнуть к этому дому — месту, где Егёль, по всей видимости, пробудет долго.

А как остаться здесь... навсегда?

Вот его новая, самая насущная цель.

Но прежде всего — разведка.

Нужно было понять, кто окружает Халяня.

Не может же такой человек всё ещё быть один.

Когда они жили в Куньлуне, женитьба была запрещена — путь Дао не позволял привязанностей.

Но теперь, изгнанный, Халянь жил как простой торговец.

Ещё тогда, среди учеников, о нём шептались — с восхищением, с влюблёнными взглядами, с нескрываемым обожанием.

А теперь, когда с него сняты обеты... какая женщина в здравом уме оставила бы его без внимания?

В двух словах — катастрофа.

Судя по тому, что он не задал ни одного вопроса о моём лице, прошло не больше десяти лет.

В обеих жизнях он выглядел почти одинаково — форма глаз, изгиб губ, даже осанка.

Менялись лишь детали, продиктованные жизнью.

В прошлой жизни, сиротой на улицах Ханчжоу до вступления в Куньлунь, он был худым и ослабленным.

Теперь, в двадцать лет, он стал выше, телосложение — крепче, черты лица — утончённее.

Живые родители, нормальное питание — и, конечно, пробуждение как эспера S-класса — не могли не отразиться на внешности.

Глаза стали чуть светлее, волосы — чуть бледнее.

Любой, кто знал семнадцатилетнего Егёля близко, заметил бы разницу.

К счастью, Чэ Халянь никогда не знал его настолько близко.

Как лучший ученик Куньлуны, он всегда был недостижимой фигурой,

а Егёль — всего лишь беспокойный младший, создающий проблемы.

Близкий настолько, чтобы запомнить, но не настолько, чтобы по-настоящему увидеть.

И именно эта дистанция сейчас его спасала.

Если бы демоническая секта не напала тогда, вспомнил бы он обо мне вообще?..

Егёль вздохнул про себя, обращаясь мысленно к небесам:

Великий Первородный Владыка, прошу тебя... пусть мой старший брат будет слишком занят торговлей, чтобы встречать прекрасных дев.

Или, лучше всего, пусть он до сих пор хранит куньлуньские обеты даже после изгнания.

Пока Чэ Халянь, ничего не подозревая о столь отчаянных молитвах, говорил мягко:

— ...Ты помнишь, кто сделал это с тобой?

Его голос звучал низко, почти ласково — как у человека, убеждающего напуганного ребёнка.

— Имя, лицо... хоть что-нибудь.

Но под этой тихой интонацией скрывалось острое, опасное напряжение.

— Ну...

Егёль провёл языком по пересохшим губам.

Он бы без колебаний отдал этому человеку своё сердце — но вот это было совсем другое дело.

Как он мог это объяснить?

Что он уже обратил своего нападавшего в пепел молнией?

Что тело исчезло в другой плоскости, не оставив даже следа?

Нет уж. Он всё ещё хотел казаться хорошим, послушным учеником.

Только так этот чрезмерно ответственный человек продолжит держаться рядом.

И главное... он не хотел, чтобы Халянь решил, будто он сошёл с ума.

Чёрт. Я восстановился слишком быстро. Теперь моё здоровье — сама по себе проблема.

Он лихорадочно искал выход, пока не вспомнил один приём, которому когда-то научил его старший эспер из Центра.

— А...!

Он резко округлил глаза и прижал ладонь ко лбу, позволяя телу покачнуться.

Халянь оказался рядом мгновенно.

— Егёль!

Прижавшись к широкой, тёплой груди, Егёль тяжело дышал.

Рука Халяня погладила его по спине — мягко, с тревогой.

Егёль позволил плечам дрожать, а потом постепенно успокоился, чувствуя, как старший брат

облегчённо выдыхает.

Теперь — тонкая часть спектакля.

— Я... Я не помню толком, — он поднял голову, ресницы дрожали, а взгляд был смят и неуверен, — Мне было страшно. А потом... я увидел тебя, и стало спокойно. А дальше всё... пусто.

Он прикусил губу, чтобы добавить убедительности, но прежде чем кровь выступила, между зубов мягко легли пальцы Халяня.

Егёль вздрогнул, осознав, что укусил его. Попытался отстраниться — но лёгкий вкус на языке заставил дыхание сбиться.

Это была энергия его гида.

Сладкая. Неопишимо сладкая.

Не успев подумать, он лизнул её.

Один раз.

И тут же ощутил, как его тянет — хотел ещё, хотел впитать в себя это тепло, но лёгкая дрожь, прошедшая по телу Халяня, остановила его.

Слишком далеко. Я зашёл слишком далеко.

С усилием Егёль опустил голову, наполовину стыдясь, наполовину притворяясь.

— Укусил себя, вот ведь!

Халянт, хоть и был заметно взволнован, говорил строго, будто ничего не случилось.

Егёль мысленно цокнул языком.

По-прежнему невозможно понять, что он чувствует.

— А если бы ты кровь пустил? — строго добавил Халянь.

Егёль рискнул ответить тихо, почти шепотом:

— Со мной всё хорошо, но... а твоя рука? Я ведь оставил след... — Он опустил голову, скрывая жар, подступивший к щекам.

— Говорят... слюна помогает заживлению, — пробормотал он с жалобной искренностью, надеясь, что это сработает.

Халянь устало выдохнул и протянул руку:

— Видишь? Ни крови, ни боли. Только след. Не стоит беспокоиться.

Егёль взял её без колебаний, повернул ладонь к себе, разглядывая.

Даже с лёгким полукругом зубных отметин кожа оставалась удивительно чистой и красивой.

Он не хотел отпускать.

— Я рад. Было бы ужасно, если бы я тебя поранил, — сказал он почти шепотом, с грустным оттенком, и наконец отпустил.

Он сам понял, насколько театрально выглядел, но... это сработало.

Теперь он точно понимал, что имел в виду тот эспер из Центра, сказав:

«Поймёшь, когда встретишь своего гида.»

Тогда Егёль лишь фыркнул в ответ.

А теперь — понимал.

До последней мелочи.

— Лучше беспокойся о себе, — тихо сказал Халянь, слегка коснувшись его лба.

От этого лёгкого касания сердце Егёля дрогнуло, словно бабочка коснулась его груди изнутри.

Почему это ощущалось так... хорошо?

Потому что этот человек был его гидом?

Или потому что его давний идеал вновь стоял перед ним — живой, достигаемый?

Он уже не знал.

— Тебе нужно скорее поправиться, чтобы вернуться, — произнёс Халянь негромко.

— Вернуться?..

Егёль моргнул, не понимая.

Куда возвращаться?

В прошлой жизни он был сиротой.

В этой — родители умерли.

Слово «вернуться» звучало чуждо, как из другого мира.

И тогда Халянь произнёс это — мягко, спокойно, как камень, брошенный в неподвижную воду:

— В Куньлунь.

<http://bllate.org/book/12382/1104351>